

О. В. Курбанова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ЛИРИКЕ М. ВОЛОШИНА

*Работа представлена кафедрой русского языка
Дагестанского государственного технического университета.
Научный руководитель – доктор филологических наук профессор Г. Н. Алиева*

Мир отражается в творчестве поэта и передается поколениям не только посредством слов, но и посредством образов, которые эти слова пробуждают в душе читателя. Отбор языковых средств поэта-философа представляет большой интерес для исследователей. В статье сделана попытка анализа концептов слов «одни» и «другие», способствующих созданию образов противоборствующих сторон, выражающих авторскую экспрессивную оценочность и создающих концептуальную картину мира.

The world is reflected in a poet's work and is transmitted to generations not only by means of words, but also by means of images aroused in a reader's soul by these words. Selection of linguistic means by a poet-philosopher is of great interest for researchers. The author of the article makes an attempt to analyse the concepts «ones» and «others». These concepts promote creation of images of opposing forces, express the author's emotional valuation and create a conceptual world picture.

Творчество Максимилиана Волошина
давно перестало будоражить исследователей.

Этому существует множество причин. Он не
был представителем какой-либо политиче-

ской силы. Он не представлял какое-либо определенное литературное течение. Он не претендовал на лидерство, на лавры мэтра.

Но в то же время, когда мы говорим об особом духовном братстве деятелей литературы и искусства начала XX в., мы называем слово «Коктебель». Коктебель – это тот поэтический мир, который создал Максимилиан Волошин для всех, и где 22 ноября 1919 г. было написано удивительное стихотворение «Гражданская война»¹. Сегодня, когда пересматриваются многие события дней минувших, мы совершенно по-другому начинаем воспринимать зачастую жертвенную, подвижническую деятельность очевидцев.

В стихотворении «Гражданская война» нет слов *белые* и *красные*. Философия гражданского противостояния реализована у поэта лексемами «одни» и «другие», представляющими собой собирательные концепты диаметрально противоположных ментальностей. Термином «концепт» мы определяем «*термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике*»².

В связи с этим положением мы вправе говорить о тех воображаемых образах, которые несет в себе слово-концепт, опирающееся на свое вполне объективное значение. Для нас концепт интересен не с философских позиций, а с позиций создания поэтического текста, наполненного экспрессией и авторской эвалюативностью. В нашей ситуации такими словами, пробуждающими целую систему образов, являются субстантивированные числительное «одни» и местоимение «другие»:

Одни восстали из подполий,
Из ссылок, фабрик, рудников...

Другие из рядов военных,
Дворянских разоренных гнезд...

Изображение гражданского противостояния усилено повтором:

В одних доселе не потух
Хмель незапамятных пожаров...

В других – лишенных всех корней –
Тлетворный дух столицы Невской...

Одни возносят на плакатах
Свой бред о буржуазном зле...

В других весь цвет, вся гниль империй,
Все золото, весь плен идей...³

Этот развернутый повтор акцентирует внимание на тех значениях концептов, которые, рождаясь в поэтическом эмоциональном мире, остаются в реальном времени: в первой иллюстрации это *ссылки* и *рудники*, с одной стороны, и *родовые дворянские гнезда* – с другой. Поэт тщательно подбирает языковой ряд, составляющий парадигму концептов *одни* и *другие*: *хмель пожаров* (именно *хмель*, который пьянит и который вызывает ассоциативную цепочку весеелья, буйства, безудержной удали) и *дух* Петербурга, но *дух* «тлетворный», т. е. блезненный, тошнотворный, смертельный. В третьей иллюстрации поэт находит новые поясняющие образы: *плакаты* → *бред о буржуазном зле* и *цвет* → *гниль империи* → *плен* (опять плен!!).

Таким образом, концепты «одни» и «другие» являются центром взаимосвязи коммуникативного и когнитивного восприятия языка, средоточием мысли. Наше восприятие мира осуществляется через мировосприятие поэта и возникает не из значения изолированных слов, а является результатом соотнесения словарного денотата лексем с индивидуальной эмпирикой адресата. Поэт отбирает языковые средства таким образом, чтобы создать у нас четкую и ясную картину мира, расколотого надвое: *одни* и *другие*, которых отличает происхождение, жизненные ценности, антагонистические идеи, различные целевые установки. Но концепты *одни* и *другие* осуществляют не только повышенную эвалюативную авторскую оценочность.

В данном произведении мы рассматриваем концепт и как концептуальную структуру, с помощью которой формируется когнитивная картина мира. Стихотворение, как уже было сказано, в первой своей части последовательно расчленяет мир на *одних* и *других* по ряду признаков. Но между ними есть и общее! Их объединяет бессмысленность усилий и *тех*, и *этих*, которую никто не в состоянии осознать:

Одни идут освобождать
Москву и вновь сковать Россию.
Другие, разнуздав стихию,
Хотят весь мир пересоздать⁴.

Случайно ли *одни* и *другие* объединились в одном четверостишии? И случайно ли их очередность оказалась нарушена? В данном фрагменте *одни* – это старый мир, а *другие* – это разбушевавшаяся стихия «Разиных и Кудеяров». Думается, поэт сделал это сознательно: поменяв очередность, он еще раз подчеркнул, что при внешней антагонистичности нет ничего более беспощадного в своем единении, как действия *одних* и *других*. Объединив противоборствующие стороны структурно, поэт в двустишии (единственном в стихотворении) замечает:

В *тех* и в *других* война вдохнула
Гнев, жадность, мрачный хмель разгула⁵.

Информационная структура нашего сознания получила неожиданный перцептивный единый образ *тех* и *других*, слившихся в разгуле.

Здесь можно было бы поставить точку и завершить стихотворение. Но в семантико-рациональном плане авторская мысль не завершена, она беспокойна, и она продол-

жает свою работу, заставляя адресата посмотреть на события совершенно с другой стороны: если внутри страны люди ведут страшную борьбу, то настоящий враг, внешний враг просто ждет своего часа. Поэт-философ предупреждает:

А вслед героям и вождям,
Крадется хищник стаей жадной...⁶

Оперативная содержательная единица памяти, реализованная концептами *одни* и *другие*, во второй части стихотворения становится крупнее, потому что оба концепта объединяются в одно целое, т. е. противостояние, пронизывающая все произведение, неожиданно сворачивается до унисона:

Кто не за нас – тот против нас,
Нет безразличных – правда с нами⁷, –

говорят и *те* и *другие*. Поэт устал. Его мир, расколотый надвое, рухнул. *Одни* и *другие* равно жестоки и безоглядны. *Одни* и *другие* равно способствуют гибели России. Но и *одни* и *другие* заслуживают жалости, ибо не ведают, что творят.

В последней строке стихотворения Максимилиан Волошин объединяет и *тех* и *других* общим местоимением «они», объединяет не в жизни, а в своей душе и в своей молитве.

А я стою один меж *них*
В ревушем пламени и дыме
И всеми силами своими
Молюсь за *тех* и за *других*⁸

Пожалуй, именно концепт «молитва», появившийся в финале, вызывает наиболее активную, сильную, положительную перцептивно-когнитивную реакцию нашего внутреннего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Волошин М. И. Избранные стихотворения. М.: Советская Россия, 1988. С. 212–213.

² Краткий словарь когнитивных терминов, М., 1996. С. 90.

³ Волошин М. И. Указ. соч. С. 212.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.